

Елена СИДЖИНА

Сергей Виноградов, Алексей Неклюдов.
Объект с дыркой в голове не опознан

Гений и злодейство СОВМЕСТИМЫ

Век. Москва - 1999 - 10 марта - с. 6

Нью-Йорк. Март 1955 года. Легенде джаза Чарли Паркеру осталось жить две недели. Даже меньше — только двенадцать дней. Ему еще не исполнилось тридцати пяти, но единственное, чего он не пробовал в этой жизни, — соорудить атомную бомбу. Скоро он уйдет туда, где не будет никому мешать. То есть — насовсем... Вот эти последние двенадцать дней ему предстоит проживать на столичных подмостках снова и снова, как по заколдованному кругу неминуемо приближаясь к часу своей смерти и воскресая вновь.

— Ирина КОРНЕЕВА

Благородную роль реаниматора в художественном пространстве на себя взяла Театральная компания Сергея Виноградова, не первый год работающая над созданием элитарного театра для эстетов. Уже был «Коллекционер» Фаулза и «Машенька» Набокова. Спектакль «Six. Sax. Sex» по мотивам произведений Кортасара и Хемингуэя — новая изящная попытка на стыке драмы и движения, «во фразу саксофона» рассказать о Чарли Паркере.

Подробности — от руководителя компании и режиссера-постановщика спектакля Сергея Виноградова.

— Чарли Паркер опроверг Пушкина в том, что гений и злодейство несовместимы. Он разве что не убивал, а все остальное делал. Но альт-саксофон Чарли Паркера стал самым выразительным голосом современного джаза. Он всегда играл завтра... Я не люблю, когда громко кричат. Я люблю, когда громко живут. Наш спектакль — это история невероятных страстей человека, который всегда находился на грани.

— Под спектакль об этом «гениальном злодее», насколько известно, деньги были выделены Фондом Сороса...

— Год назад институт «Открытое Общество» (Фонд Сороса) проводил конкурс «Театр на пороге XXI века». Я подал режиссерскую заявку. Условий была масса: актуальность, новизна и так далее. Видимо, наш проект чем-то их заинтересовал и нам сообщили, что компания выиграла и получает 15 тысяч долларов. Но больше всего, по-моему, люди были удивлены, когда узнали, что мы смогли дойти до конца и вынести что-то на суд зрителей — редко кто доводит дело до премьеры. Деньги Фонд Сороса дает только на декорации, костюмы, свет, звук. А все остальное — на аренду помещения, полиграфию, какой-то минимальный гонорарный фонд, промоушн — бери откуда хочешь. Чаще всего заявки подаются не государственными театрами, а независимыми коллективами, у которых вообще ничего нет. И они делают на гранд декорации, которые потом у них висят дома.

— На живой джаз в театре средств хватило?

— Саксофона «в живую» не будет, а будут потрясающие актеры. В театре звучит фонограмма, потому что выходить на сцену и играть рядом с Паркером невозможно: это все равно как с Паганини рядом встать и начать исполнять его 24 каприса...

Но в конце апреля у «Six. Sax. Sex» начнется вторая жизнь — мы готовим ресторанный вариант в клубе Al Capone Jazz. Там будет живая музыка.

— Театр в ресторане... Затея из материальных соображений?

— Ни в коем случае. У меня был период в жизни, и я это абсолютно не скрываю, во времена театра Романа Виктюка в 93-м году я три месяца ставил программы для ночных клубов. В основном дэнс, но на стыке театра. Мне это было интересно, но, выпустив в Вильнюсе большую программу, я дал себе зарок никогда этого больше не делать ни за какие деньги. Потому что противно выходить на жующую публику, которая может на тебя посмотреть, а может спиной повернуться и обнимать подружку... Сейчас я иду в ресторан по одной причине — это джаз и это Чарли Паркер. А он в основном работал именно в ресторанах и клубах. Потому что атмосфера джаза невозможна без дыма сигар, без виски, пива, пьяных людей. Может, я говорю грубо, но это изнанка джаза. Концертировать с джазом, выходить на сцену в бабочке — нарушать законы жанра. Джаз — это самовыявление человека, который позволяет себе соло. Редкий дар говорить не то, что написали дядя или тетя, а то, что в данную секунду хочет выразить твоя душа.

— Алексей Неклюдов — исполнитель роли Чарли Паркера — в принципе играть на саксофоне умеет?

— Мало, мало... В театре что главное — обратить недостаток в достоинство. На Чарли Паркера иногда что-то находило — то ли от наркотиков, то ли еще от чего, он забывал, как играть. Просто терял координацию и чувствовал себя учеником, впервые взявшим саксофон в руки. В спектакле есть такая сцена, когда он приходит в студию на запись и ничего не может вспомнить. Вот в этот момент и будет играть Алексей Неклюдов.

— В Америку дорожка перспективой отведена? Сейчас ведь как: ставят еврейскую пьесу с перспективой отъезди ее в Израиль, американскую — с мечтой когда-нибудь пробиться с ней в Бродвей...

— Нет, хотя американцы действительно заинтересовались нашим проектом. Но мы делали русский спектакль про американскую культуру прежде всего для русских. В Америке ведь драматический театр находится где-то на обочине, и на гастрольные спектакли диаспора приходит в первую очередь из-за ностальгии по русскому языку, а не по театру. Опасная ситуация.

— А у вас не возникало желания поделиться опытом выживания новой негосударственной компании с коллегами на прошедшем недавно театральном форуме? Вопрос о молодых и независимых там возникал часто, правда, так называемые независимые все больше просили...

— Участвовать в форуме физически было невозможно — перед премьерой у меня 16-часовой рабочий день. Ставлю и играю, одновременно нахожусь снаружи и внутри спектакля, делать себе замечания как актеру успеваю только ночью, когда просматриваю видеозаписи репетиций. К тому же я считаю, что сейчас не время для форума. Вот годика через два-три, когда реально произойдет какая-то перемена в режиссуре, будет и о чем говорить. Недавно я был на фестивале «Новый Европейский Театр». И вот на нем обсуждали: геронтофилия-геронтофилия, такое впечатление складывалось, что главная проблема московских театров на сегодняшний день — это геронтофилия... Плучеку — 90, Гончарову с Любимовым за 80 и так далее. Встал молодой человек из Германии: «Я вообще не понимаю, о чем вы тут говорите. У нас другая проблема — у нас режиссеру по фамилии Петер Штайн трудно устроиться, потому что в 60 лет в Германии режиссер оказывается пенсионером автоматически и получить постановку ему практически невозможно. Ведь в моде — новизна, фантазия, молодая кровь...» Название форума было «Театр: время перемен». Какие могут быть перемены в 90 лет? Только с этого света на тот.

— Ну что-то вы уж очень пессимистично и категорично.

— Но у нас действительно проблемы с режиссурой. И нет молодых, которые способны взять власть или стать преемниками, если хотите. В Риге возрастная реформа уже состоялась — не силовыми методами, а естественным отбором: публика пришла к новому поколению... Для нас тоже, думаю, еще не вечер.

Новое слово в режиссуре можно будет оценить 10 и 11 марта в помещении театра «Содружество актеров Таганки» на спектакле Сергея Виноградова «Six. Sax. Sex».

Справки по телефонам: 915-11-55, 915-12-00.